

Живое слово Яшина

К 90-летию со дня рождения и к 35-летию со дня смерти выдающегося русского поэта и прозаика Александра Яшина (1913 - 1968) вышли из печати две новые книги его стихов и прозы: «Слуга народа» (Вологда: «Книжное наследие», 2003) и «Живая вода» (Москва: «Русская книга», 2003).

Источник: Барakov В. Живое слово Яшина / В. Барakov // Русский Север. Пятница. – Вологда, 2003. – 10 декабря. – С. 21.

Автор знаменитых «Рычагов» и «Вологодской свадьбы» в последнее десятилетие своей жизни тяжело страдал, как страдает всякий художник, опередивший свое время, от непонимания и неприятия своего творчества. Но и сейчас слово Яшина раздражает очень и очень многих своими честностью и прямотой:

- Воровство, взяточничество, охватившее страну, - и это «трудности роста»!

- Когда трудовой народ в массе своей будет жить хорошо - не говорю **так же хорошо**, но хотя бы просто хорошо! - как слуги народа, тогда появятся и настоящие возможности для расцвета литературы.

- В русской поэзии работает очень много поэтов не-русской национальности, которые зачастую клянутся русским народом, его историей, культурой, но не чувствуют духа русской национальной поэзии... Забывают о национальном зерне и поэты из русских. Пишущий по-русски в этом смысле еще не значит русский поэт.

- Жестокая двуликая эпоха. Два лагеря, два мира - их и наш.

Александр Яшин был верующим человеком, в его квартире хранились иконы, складень, Библия, с которыми он никогда не расставался; он соблюдал православные посты, жил аскетически, не позволяя себе ничего лишнего. В его доме на Бобришном Угоре - только жесткий топчан, письменный стол, самодельный журнальный столик - подарок от Василия Белова, плотника по первой своей профессии... На Бобришном Угоре, в этой пустыньке, по определению епископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана, он горел душой в уединенной молитве, ведь ближе всего к молитве - именно лирическая поэзия.

А как сейчас живут земляки Яшина, сохранившие для нас Бобришнй Угор - один из символов русской культуры? «Многое изменилось за время «перестройки», - пишет дочь поэта Наталья Александровна Яшина. - Самолеты не летают, ржи нет, поля не засеяны, зарастают, фермы упали, тракторов нет, горючего нет, люди разбегаются в поисках заработка. Остались в основном пенсионеры. Язык, дивный говор, уничтожен. Тот самый заповедный язык, с которым Яшин вошел в литературу, создавая поэзию былинной красоты... И когда теперь спрашиваешь, когда лучше жили - тогда, после войны, или сейчас, не задумываясь, отвечают: «Тогда». - «Но ведь кору ели... Но ведь в каждом доме - похоронки...» - «Тогда надежда была. А сейчас нет».

Предисловия Натальи Яшиной самоценны. В их основе - не только воспоминания, но прежде всего - боль, скорбные и мучительные поиски истины, полные любви к «плененной и страдающей Родине».

«В последние дни жестокой болезни, - рассказывает дочь, - он, высоко поднимая руку, перелистывал в воздухе страницы невидимой книги, говорил, что знает теперь, как надо писать. Слово он считал высшим даром... А то, очнувшись, много раз на день обращался напрямую: «Господи, я иду с Тобой на соединение!..» Когда-то он переживал, видя происходящее: «Я не в ту партию вступал». Теперь же спросил перед причастием: «Ничего, что я партийный?» - «Какое это имеет значение!» - был ответ. «Такие, как Яшин, - заключает дочь поэта, - вели за собой свое поколение, творчеством своим воспитывали, поддерживали, подпитывая в человеке нравственную душевную основу... И были в людях горение и любовь, не было этой страшной убивающей теплохладности, безразличия... Через пять лет после смерти Николая Рубцова, когда вдова А. Яшина вместе с несколькими писателями из Вологды и Москвы отпевала его в храме Святителя Николая, что в Кузнецкой слободе Москвы, священник сказал о нем: «Истинные поэты - это первые, кто идет за нами. Он шел не со Христом, но путем Христа, по его стопам».